

Муханова Мария Николаевна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
mukhanova_m@rambler.ru

Социально-структурные изменения на российском рынке труда агропромышленного комплекса

Аннотация. Исследование занятости сельского населения в неформальном секторе и самозанятых и их влияние на социально-структурные процессы на рынке труда агропромышленного комплекса (АПК) опираются на эмпирическую базу данных нескольких крупномасштабных исследований Росстата (2011 – 2017 гг.) по заказу Правительства РФ, охватывающих все регионы России, в которых используются результаты индивидуальных интервью занятого сельского населения с 16 лет и обследования их домохозяйств, а также Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. Выявлено, что переход к рынку в 1990-е годы сопровождался ростом безработицы, бедности, трансформациями на рынке труда, появлением разных форм самозанятости. Это обусловило на рынке труда АПК формирование неформального сектора, в котором треть занятого сельского населения.

Ключевые слова: рынок труда; АПК; отраслевая занятость; структура занятости сельского населения; неформальный сектор и формальный сектор; домохозяйства, образование, доходы

Mukhanova Maria N.
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
mukhanova_m@rambler.ru

Socio-structural changes in the russian labor market of agro-industrial complex

Abstract. The study presented in this article – which is a study of rural employment in the informal economy – relies on data from the following surveys of households and individuals – “Comprehensive monitoring of the population’s living conditions” and “Selective monitoring of income and participation in social programs”, both carried out by Rosstat in 2011 – 2017 and commissioned by the Russian government. Rural residents ages 16 and up were interviewed in every region of the 9 Federal districts. It is revealed that the transition to a market economy during the 1990’s was accompanied by increasing unemployment and poverty, transformations in the labor market, and the emergence of various forms of self-employment.

Keywords: rural population employment structure; labor market; agricultural sectors; the informal and formal sectors; socio-professional structure; households; education; satisfaction with labor; income

В последние годы аграрный сектор показывает успешные результаты. В 2019 г. собрано более 121 млн т зерна, что в условиях чрезвычайной ситуации – пандемии, позволило обеспечить продуктами не только внутренний рынок, но и выполнить

экспортные поставки на мировой рынок. Агропромышленный комплекс последовательно осваивает глобальные рынки, входит в число ведущих экспортеров по ряду продукции. Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в товарной структуре экспорта ежегодно растет. В прошлом году было экспортировано на 25,5 млрд долларов сельхозпродукции. В текущем году экспорт зерна составит около 43 млн га, который ценен своим качеством [Совещание, 2020: 1]. Это результат государственной политики модернизации сельского хозяйства по внедрению современных технологий и сельхозтехники.

Тем не менее, по мнению экспертов, существует ряд важных проблем, это низкая инвестиционная активность – основной сдерживающий фактор развития сельской отрасли. АПК имеет высокую зависимость от зарубежной техники и технологий, только 10 % пашен обрабатывается с применением цифровых технологий, а неиспользование их приводит к потере до 40 % урожая. И только в конце 2017 г. было принято решение Минсельхозом об активном внедрении цифровых технологий в сельском хозяйстве [Цифровизация.,2018].

С появлением цифровой экономики и технологии, новых средств связи происходит интеллектуализация труда, активизируется создание высокопроизводительных рабочих мест, меняющее его содержание и требований к рабочей силе на рынке труда АПК, приведет к тому, что численность самозанятых будет увеличиваться. Это усиливает внимание к проблемам трудоустройства АПК, актуализирует проблему неформальной занятости. Важно проследить, каковы модели адаптации селян на рынке труда, оценить масштабы, состав, специфику неформального сектора в АПК, перспективы развития занятости в сельском хозяйстве и состояние человеческого капитала как трудового ресурса села.

Образование сектора неформальной занятости сельского населения – часть процесса институционализации рыночной экономики в аграрном секторе в 1990-е гг. Переход к рынку сопровождался изменениями на рынке труда, ростом безработицы, бедности, появлением разных форм самозанятости сельского населения. Занятость в неформальном секторе – распространенное явление в странах с переходной экономикой, где доминируют бедность и высокий уровень безработицы. Ее характерные особенности – нацеленность работников на выживание, а не накопление человеческого капитала, незащищенность трудовых прав, отсутствие формального договора с работодателем.

В рамках методологии Международной организации труда (МОТ) неформальный сектор и неформальная занятость как категории – не синонимы. Каждая из них несет свою смысловую и содержательную нагрузку. Формирование данных явлений, трактовка и операционализация как социально-экономического процесса на рынке труда, сопряжены с немалыми методологическими трудностями [Жвйтиашвили, 2016, Муханова, 2017, Семенова. 2015, Синявская, 2005, Стребков, Шевчук, 2015, Шкаратан, Карачаровский, Гасюкова, 2015].

Под неформальной занятостью условимся понимать неформальные отношения между работодателем и работником, в ходе которых последний нанимается на основе устной договоренности, без гражданско-правового договора, не имея никакой институциональной защиты своих прав.

Согласно положениям 15-й Международной конференции статистики труда (1993 г.) и классификации Росстата, неформальный сектор рассматривается шире – как совокупность производственных единиц, занятых производством товаров и услуг, где работники обеспечены рабочими местами и доходами [Занятость. 2014: 11]. Как правило, эти производства слабо технологически оснащены, имеют низкую рентабельность и более половины работников в них нанимаются на основе устной договоренности. Наниматели в неформальном секторе получают возможность управлять численностью и составом работников, исходя из конъюнктуры рынка, оптимизируя при этом свои затраты и поддерживая нужный уровень производительности труда. Особенно это важно для малого бизнеса. Но в то же время трудовые отношения с работодателем в неформальном секторе могут быть расторгнуты в любое время, то есть это своего рода неполноценная, ущемленная правовая и социальная гарантия занятости. Грань между неформально занятым и занятым в неформальном секторе не четкая, размытая. Специфика рынка труда на селе такова, что работа как в формальном, так и в неформальном секторах мало отличима по надежности и по оплате труда.

В России занятые в неформальном секторе определяются статистикой как “лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной”. Критерием определения единиц неформального сектора принято считать отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица [Занятость, 2014: 11].

Значимость исследования заключается в том, что впервые проведен комплексный анализ рынка труда и социально-структурных процессов российского села на массивах крупномасштабных панельных исследований, охватывающих все регионы РФ, показывающие уникальность момента сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования и исчезают привычные контуры социальной структуры села.

Это и определяет две основные гипотезы исследования.

1. Концентрация и уровень занятости сельского населения в производственных отраслях – главная характеристика и основа изменения в социальной структуре села. Внутри нее наблюдаются существенные различия между социальными группами (образование, условия найма, профессиональная занятость, доходы), то есть она имеет внутреннюю структуру, детерминированную социально-экономическими факторами развития АПК и экономики в целом. Структурную мобильность в отраслях АПК и изменение численности занятых в различных видах экономической деятельности

обуславливает потребность в рабочей силе. На образование неформального сектора также влияют поселенческая инфраструктура, уровень региональной безработицы, миграционные потоки и др.

2. Трансформация социальной структуры, возникновение новых форм занятости на рынке труда обусловили непостоянство, нелинейный характер занятости, а также повседневной жизни крестьян, что вызвало значимые социокультурные и ценностные изменения в их ментальности и образе жизни. По словам З. Баумана, «неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой... она разделяет, вместо того, чтобы объединить. В условиях, когда занятость становится краткосрочной, лишается четких перспектив, остается мало шансов для укоренения и укрепления взаимной лояльности и солидарности» [Бауман, 2002: 30–31]. Процесс индивидуализации разрывает старые связи внутри сельских локальных сообществ, порождает новые модели отношений, сформированные на рационализации и на распаде старых коллективных идентичностей.

Анализ занятости сельского населения на рынке труда АПК основан на панельных данных Росстата, проведенных по заказу Правительства РФ, что говорит о надежности контроля и репрезентативности результатов. Второе – «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», проведенное Росстатом в 83 регионах страны во всех административно-федеральных округах. В 2012 г. методом интервью опрошено 5800 индивидов с 16 лет, проживающих в 2754 сельских домохозяйствах. В 2017 г. сельская выборка была увеличена (самая крупная выборка в панели), обследовано 49 848 сельских домохозяйств и проживающих в них 44 280 селян занятых в экономике с 16 лет в 85 субъектах в 9 Федеральных округах, в том числе Крымском регионе [Выборочное наблюдение...] ²³⁸.

Для анализа рынка труда АПК были использованы индикаторы, характеризующие социально-структурные процессы села, статус занятости, отношение к труду, доходы, экономическое положение домохозяйств. Было также использовано Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи (2016 г.). Индикаторы, показатели изменения численности занятых в отраслевой структуре удовлетворили методологический поиск, характеризующий социальную реальность на рынке труда АПК и роль в нем неформального сектора, и определили модель анализа социально-структурных процессов российского села.

Социально-территориальное неравенство в российском обществе обусловлено, прежде всего, тем, что жизненно важные ресурсы распределены неравномерно, их потоки сосредоточиваются в столицах и крупных городах. Замкнутость российских сельских поселений и производственная локализация часто приводит к их

²³⁸ Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в ноябре 2018 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

экономической отсталости, слабости. И даже в том случае, когда в сельском поселении находится крупное транснациональное или российское предприятие, например Агрохолдинг, это не означает, что сельские жители будут востребованы на связанном с ним рынке труда. Социальное пространство, по П. Бурдые, “может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала” [Бурдые 1993: 41]. Ресурсы территории обуславливают деятельность людей, дают возможность для реализации их потенциала или этому препятствуют. Условимся понимать занятых в неформальном секторе сельского хозяйства как одно из проявлений неравенства и рассматривать их как страту депривированных и бедных слоев в социальной структуре, “где в качестве элементов выступают социальные институты, социальные группы и общности разных типов” [Шкаратан 2012: 53].

Ежегодно растет численность сельских жителей, занятых несельскохозяйственной деятельностью – в торговле, ремонте автотранспортных средств, бытовых изделий, строительстве, транспорте и связи. Сопоставление показателей занятости сельских жителей по отраслям в формальном и неформальном секторах в 2012–2017 гг. показывает, что в сельском хозяйстве ежегодно сокращается занятость в сельском хозяйстве. В 2017 г. в сельском хозяйстве был выше уровень занятости работников в неформальном секторе (20,2 %) в основном за счет занятости в ЛПХ, по сравнению с формальным – работающих в сельхозпредприятии (14,6 %). Хотя численность работников в неформальном секторе также сокращается, если в 2012 г. каждый третий работал в сельском хозяйстве (33 %), то в 2017 г. только каждый пятый. Причиной, возможно, стал их отток в другие отрасли или миграция в города.

И, наоборот, в несельскохозяйственных отраслях в неформальном секторе велика доля занятых в сфере обслуживания, торговле, транспорте, связи, где почти втрое превышают занятых в формальном секторе. Доля работников в отрасли строительства после кризиса 2014 г. резко сократилась, более чем в 2 раза в неформальном секторе. Их также существенно было меньше и в формальном секторе. Зато доля занятых в отрасли «Прочие», куда входит занятые по предоставлению коммунальных, социальных и персональных услуг, резко возросла (17,2 %) и практически в близка по показателям с занятыми в сельском хозяйстве (20,0 %). Последняя, как системообразующая отрасль АПК, не генерирует новые рабочие места, производительность труда не растет, низкие зарплаты вытесняют сельских жителей в неконкурентные ниши занятости в отрасли торговли, сферы обслуживания, транспорта. Наглядным примером тому является, что с 2016 г. доля занятых почти втрое возросла в структуре отраслей «Прочие», куда вошли охранники, грузчики, водители, домработницы, няни, сиделки, уборка на дому, парикмахерские услуги, консьержи, вахтеры, уборщики, разнорабочие и др.

В целом доля сельского населения занятого в сельском хозяйстве в общей численности занятого сельского населения в РФ ежегодно сокращается. Если в 1992 г. их численность составляла почти 10,5 млн чел., то 2002 г. 5,5 млн чел., в 2016 г.

согласно переписи – 1,360 млн чел [Основные итоги 2018: 122] И это при том, рабочие места, которые по институциональному признаку являются формальными, но по реальному статусу часто оказываются неотличимы от неформального. Например, низкие доходы работников АПК обусловлены тем, что за ними оставляют работу с низкими тарифными ставками, чтобы не допустить роста безработицы среди сельского населения. Таким образом поддерживается гибкость трудовых отношений на рынке труда и более высокий уровень занятости, тем самым снижая риск безработицы и предоставляя шанс селянам для трудоустройства. Эти процессы интегрировали, легализовали и расширили структуру доступных нестандартных, неформальных форм занятости, что и объясняет развитие структур различных видов сервисных услуг на сельском рынке труда. В целом занятые в неформальном секторе (как, и в формальном) имеют нестабильное положение на рынке труда, что вызывает у них чувство напряженности и неопределенности, находясь в постоянном поиске заработка.

Отраслевая занятость неформального сектора показывает с одной стороны – социально – структурные (количественные) и институциональные (качественные) изменения. Эти трансформации изменяют стиль и образ жизни селян. Неформальный сектор в социально-структурных процессах российского села, как объективная реальность сконструировался своим временем, заполнив пустоты, и реализовался в нем как рациональная форма труда для трети занятых селян. В целом же численность занятых селян в неформальном секторе составляет значительную долю (36,6 %) – более трети от общей численности всех занятых на сельском рынке труда и за рассматриваемый период практически не изменилась.

Результаты исследования показали, что аграрное производство перестает быть главным источником занятости сельского населения, что и обусловило рост занятости селян в несельскохозяйственных отраслях в формальном и неформальном секторах. Треть работников неформального и почти половина формального секторов работают не в том населенном пункте, где они живут. Больше половины рабочих мест, предлагаемых в отрасли сельского хозяйства и АПК в целом, оплачивается ниже или на уровне прожиточного минимума. Треть занятых селян имеет доходы на уровне 2-х прожиточных минимумов, что едва удовлетворяет минимальные потребительские расходы. Притом что большинство хозяйств испытывает дефицит рабочих кадров, уровень безработных самый высокий, особенно среди мужчин молодого и среднего возраста. Разрушена преемственность поколений: старые кадры уходят, а новые квалифицированные, компетентные не идут на сельский рынок труда. Занятость в неформальном секторе для большинства селян связана с немалыми рисками, что делает во многом нестабильным аграрный рынок труда как фундаментальный институт рыночной экономики. Тем не менее, он канализирует издержки социального развития российского села в виде поглощения трудовых ресурсов, которые за пределами этого вида занятости, возможно, они остались бы не у дел.

Таким образом, неформальная занятость на рынке труда остается важной структурой и в какой-то мере оказывает влияние на процесс интеграции селян в трудовую деятельность, которые бы иначе, возможно, не работали, а также удержание их на рынке труда – это с одной стороны. С другой – для значительной доли рабочей силы в неформальном секторе по-прежнему остаются нормой такие факторы, как непредсказуемость и непостоянство рабочего места, заработков, а также исключение из сферы охвата социального обеспечения.

Низкий уровень комфортности проживания на селе влияет на миграционные настроения молодежи. За последнее десятилетие наблюдается массовый исход молодежи из сельских территорий. (Муханова, 2015: 26–42).

Процесс исхода сельского населения, особенно молодежи из села можно было бы объяснить общей закономерностью снижением численности сельского населения, который давно произошел в индустриально развитых странах. Специфика России отличающаяся её от индустриально развитых стран состоит в том, что в ней существует гораздо более разнородная социально-экономическая жизнь, где находятся регионы от доиндустриального до сверхиндустриального. И в каждом конкретном случае есть причины, по которым население, в том числе молодежь, уезжает из сел. Соответственно сокращается источник расширенного воспроизводства трудоресурсного потенциала аграрной отрасли. Таким образом, среди сельской молодежи преобладает адаптационный и эскапистский стратегии поведения над инновационными.

Библиографический список

Бауман З. Индивидуализированное общество // Пер. с англ.; Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 325 с.

Бурдые П. Социология политики // Пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

Жвितिашвили А. Ш. Социально-классовая структура российского общества: тенденции развития. Власть. 2015. № 4. С. 64–69.

Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат.сборник. М.: Росстат. 2015.

Муханова М. Н. Структура занятости сельского населения в неформальном секторе // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 2. С.74–95. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5161

Муханова М. Н. Сельская молодежь России: настоящее и будущее // Россия и современный мир. 2015. № 3. С. 26–42.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: Том 1. / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». 2018. 458 с.

Семенова Л. А. Домашние работники в системе наемного труда / Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3. С. 94–114.

Синявская О. В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. М.: Поматур. 2005. 55 с

Совещание о ситуации в сельском хозяйстве и промышленности // Сельская Жизнь, 2020. № 21. С.1

Стребков Д. О., Шевчук А В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. 2015. № 1. С. 72–100.

Выборочное наблюдение доходов населения и участие в социальных программах [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html (дата обращения: 22.02.2018).

Цифровизация сельского хозяйства [Электронный ресурс] // Полит.ру: [веб-сайт]. URL: http://polit.ru/article/2018/02/21/sk_digital_farming/ (дата обращения: 22.02.2018).

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: ИД ВШЭ, 2012. 526 с.

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.